

Нет автора

Белое дело
Летопись белой борьбы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Нет автора
Н57 Белое дело: Летопись белой борьбы / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 248 с.

ISBN 978-5-517-82484-4

Сборник материалов, собранных и разработанных бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светлейшим князем А. П. Ливеном. Берлин, Медный всадник. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1928 года.

ISBN 978-5-517-82484-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

все то, что было изъято изъ рукописи, во время переработки ея въ февралѣ 1928 г. Экземпляръ этотъ хранился въ личномъ архивѣ генерала Врангеля.

Портретовъ генерала Петра Николаевича Врангеля, печатаемыхъ въ началѣ пятой и шестой книгъ лѣтописи, при рукописи не было. Они помѣщены уже по инициативѣ редакціи.

Посвященныя почившему герою двѣ книги нашей лѣтописи да будутъ основой для описанія того какъ жилъ и боролся за счастье Россіи одинъ изъ лучшихъ ея сыновъ. Дальнѣйшее, мы увѣрены, сдѣлають его соратники и спасенные имъ отъ лютой смерти русскіе люди!

А. Фонъ-Лампе.

Настоящія записки не принадлежатъ ни памяти
и восторженности историческаго мнѣнія обелия. Ихъ
записывалъ то, кому была известна и та же
Дателль. Но мнѣ то, какъ и евангелистъ блуждалъ
въ дѣлѣхъ событий, мнѣному въ запятокъ отъ
второстепенныхъ мнѣній и на первомъ планѣ во-
спираютъ вопросы оцѣноустройства.
Списокъ то или иное событие, и отъ разныхъ
дѣлѣхъ разо-подъропий и мнѣній событий
отъропий доустройства. Доустройства мнѣ-
тели доустройства мнѣній и мнѣній. Въ отъ
отъропий мнѣній и мнѣній, но обѣ мнѣній
безъ прѣдѣлѣхъ.
Записки освѣтѣляютъ время отъ насъ
своей мнѣній до-завершѣній доустройства
на Пѣнъ Россіи. Вѣ оставленныя мнѣній
самыя дѣлѣхъ прѣдѣлѣхъ новаго дѣлѣхъ. Дѣлѣхъ
прѣдѣлѣхъ и мнѣній и дѣлѣхъ прѣдѣлѣхъ
мнѣній и мнѣній мнѣній прѣдѣлѣхъ
власть.

1 Марта 1928.
" Брюссель.

П. Врангель

(Уменьшено съ оригинала въ 1 1/2 раза).

Главкомандующий Русской Армией
Генераль Баронъ Петръ Николаевичъ Врангель.

Снято въ, 1924 году.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ.

З а п и с к и .

(Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.).

Генераль П. Н. Врангель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (31 схема).

Г л а в а I .

Смута и развалъ арміи.

Наканунъ переворота.

Послѣ кровопролитныхъ боевъ, лѣта и осени 1916 года, къ зимѣ на большей части фронта операціи затихли. Войска укрѣпляли съ обѣихъ сторонъ занятые ими рубежи, готовились къ зимовкѣ, налаживали тылъ и пополняли убыль въ людяхъ, лошадахъ и матеріальной части за истекшій боевой періодъ.

Двухлѣтній тяжелый опытъ войны не прошелъ даромъ: мы многому научились, а дорого обошедшіеся намъ недочеты были учтены. Значительное число старшихъ начальниковъ, оказавшихся не подготовленными къ веденію боя въ со временныхъ условіяхъ, вынуждены были оставить свои посты; жизнь выдвинула рядъ способныхъ военачальниковъ. Однако, протекціонизмъ, свившій сѣбѣ гнѣздо во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, попрежнему сплошь и рядомъ, выдвигалъ, на командные посты лицъ далеко недостойныхъ. Шаблонъ, рутина, боязнь нарушить принципъ старшинства, все еще царили, особенно въ высшихъ штабахъ.

Составъ, арміи за два года успѣлъ существенно измѣниться, выбыла большая часть кадровыхъ офицеровъ и солдатъ, особенно въ пѣхотѣ.

Новые офицеры ускоренныхъ производствъ, не получившіе воинскаго воспитанія, чуждые военнаго духа, воспитателями солдатъ быть не могли. Они умѣли столь же красиво, какъ и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родныхъ знаменъ, но, оторванные отъ своихъ занятій и интересовъ, глубоко чуждыхъ духу арміи, съ трудомъ перенося неизбѣжныя лишенія боевой жизни, ежеминутную опасность, голодъ, холодъ и грязь, они быстро падали духомъ, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать духъ сво ихъ солдатъ.

Солдаты послѣ 2-хъ лѣтъ войны, въ значительной массѣ, также были уже не тѣ. Немногіе оставшіеся въ рядахъ старые солдаты, несмотря на всѣ перенесенныя тягости и лишенія, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, тѣ пополненія, которыя непрерывно вливались въ войсковыя части несли съ собой совсѣмъ иной духъ. Состоя въ значительной степени изъ запасныхъ старшихъ сроковъ, семейныхъ, оторванныхъ отъ своихъ хозяйствъ, успѣвшихъ забыть пройденную ими когда-то воинскую школу, они неохотно шли на войну мечтали о возвращеніи домой и жаждали мира. Въ послѣднихъ бояхъ сплошь и рядомъ наблюдались, случаи «самострѣловъ», пальцевыя раненія съ цѣлью отправки въ тылъ стали особенно часты. Наиболе слабы по составу были третьоочередныя дивизіи.

Подготовка пополненій въ тылу, обученіе ихъ въ запасныхъ частяхъ стояли въ общемъ весьма низко. Причинъ этому было много: неправильная постановка дѣла, тѣснота и необорудованность казармъ, рассчитанныхъ на значительно меньшее количество запасныхъ кадровъ, а главное отсутствіе достаточнаго количества опытныхъ и крѣпкихъ духомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ инструкторовъ. Послѣдніе набирались или изъ инвалидовъ, или изъ зеленой молодежи которой самой надо было учиться военному дѣлу. Особенно рѣзко всѣ эти недочеты сказывались въ пѣхотѣ, гдѣ, потери и убыль кадровыхъ элементовъ были особенно велики.

Со всѣмъ этимъ армія все еще представляла собою грозную силу, духъ ея былъ все еще силенъ и дисциплина держалась крѣпко. Мнѣ неизвѣстны случаи какихъ-либо беспорядковъ или массовыхъ выступленій въ самой арміи и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено самое понятіе о власти и данъ наглядный примѣръ сверху возможности нарушить связывающую офицеровъ и солдатъ присягу.

Двухлѣтняя война не могла не расшатать нравственные устои арміи. Нравы огрубѣли; чувство законности было въ значительной мѣрѣ утеряно. Постоянныя реквизиціи, —

неизбѣжное следствіе каждой войны, — поколебали понятіе о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжиганія въ массахъ низменныхъ страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожаръ, была бы брошена извнѣ.

Въ этомъ отношеніи много старались тѣ многочисленные элементы, которыми за послѣдніе мѣсяцы войны обростала армія, особенно въ ближайшемъ тылу «земгусары», призывного возраста и отличнаго здоровья, но питающіе не преодолімое отвращеніе къ свисту пуль или разрыву снаряда, съ благосклоннаго покровительства и помощью оппозиціонной общественности, заполнили собою всякіе комитеты, имѣвшіе цѣлью то устройство какихъ-то читаленъ, то осушеніе окоповъ. Всѣ, эти господа облакались во всевозможныя формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы арміи, главнымъ образомъ, прапорщиковъ, писарей, фольдшеровъ и солдатъ техническихъ войскъ

Офицерство и главная масса солдатъ строевыхъ частей, передъ лицомъ смертельной опасности, поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишены газетъ, оставались чуждыми политикѣ. Часть строевого офицерства лишь слабо отражала настроенія, слухи и разговоры ближайшихъ крупныхъ штабовъ. Конечно, высшій командный составъ не могъ оставаться безъ участнымъ къ той волнѣ общаго политическаго неудовольствія и тревоги, которая грозно нарастала въ тылу, и несомнѣнно грозила отразиться на нашемъ военномъ положеніи.

Становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что тамъ въ Петербургѣ неблагополучно. Безпрерывная смѣна министровъ, непрекращающіеся конфликты между правительствомъ и Думой, все растущее количество петицій и обращеній къ Государю различныхъ общественныхъ организацій, требовавшихъ общественнаго контроля, наконецъ, тревожные слухи о нравственномъ обликѣ, окружавшихъ Государя лицъ, — все это не могло не волновать тѣхъ, кому дороги были Россія и армія.

Одни изъ старшихъ начальниковъ, глубоко любя родину и армію, жестоко страдали при видѣ роковыхъ ошибокъ Государя, видѣли ту опасность, которая нарастала и, искренно заблуждаясь, вѣрили въ возможность «дворцоваго переворота» и «безкровной революціи». Яркимъ сторонникомъ такого взгляда являлся начальникъ Уссурійской конной дивизіи генераль Крымовъ, въ дивизіи котораго я въ, то время командовалъ I-ымъ Нерчинскимъ казачьимъ Наслѣдника Цесаревича полкомъ. Выдающагося ума и сердца человекъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ приходилось мнѣ встрѣчать на своемъ пути, онъ послѣдующей смертью своею и предсмертными словами: «я умираю потому, что слишкомъ люблю родину», доказалъ свой патріотизмъ. Въ неоднократныхъ спорахъ со мною въ длинныя зимніе вечера, онъ доказывалъ мнѣ, что такъ, дальше продолжаться не можетъ, что мы идемъ къ гибели и что должны найтись люди, которые нынѣ же, не медля, устранили бы Государя «дворцовымъ переворотомъ»...

Другіе начальники сознавали, что измѣнить положеніе вещей необходимо, но сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякій переворотъ, всякое насильственное выступленіе въ то время, когда страна ведетъ кровавую борьбу съ внѣшнимъ, врагомъ, не можетъ имѣть мѣста, что такой переворотъ не пройдетъ безболѣзненно и что это будетъ началомъ, развала арміи и гибели Россіи.

Наконецъ среди старшаго команднаго состава было не малое число и «пріемлющихъ революцію» въ чаяніи найти въ ней удовлетвореніе для своего честолюбія, или свести счеты съ тѣмъ или другимъ негоднымъ начальникомъ. Я глубоко убѣжденъ, что ежели бы съ первыхъ часовъ смуты ставка и всѣ коман дующіе фронтами были бы тверды и единодушны, отрѣшившись отъ личныхъ интересовъ, развалъ фронта, разложеніе арміи и анархію въ тылу можно было бы еще остановить.

Зима 1916 года застала меня командиромъ 1-го Нерчинскаго казачьяго Наслѣдника Цесаревича полка, входившаго въ составъ Уссурійской конной дивизіи генерала Крымова. Кромѣ моего въ составъ дивизіи входили Приморскій драгунскій полкъ, который только что сдалъ старый его командиръ генераль Одинцовъ, оказавшійся впоследствии однимъ изъ видныхъ генераловъ красной арміи, Уссурійскій и Амурскій казачьи полки. Уссурійская дивизія, составленная изъ сибирскихъ уроженцевъ, отличныхъ солдатъ, одинаково хорошо

дерущихся какъ на конѣ, такъ и въ пѣшемъ строю подъ начальствомъ генерала Крымова успѣла пріобрѣсти себѣ въ арміи заслуженную славу. Полкъ, которымъ я командовалъ уже болѣе года, только что за блестящую атаку 22 августа въ Лѣсистыхъ Карпатахъ былъ награжденъ, высокимъ отличіемъ. — Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ назначенъ шефомъ полка.

Съ отходомъ дивизіи въ армейскій резервъ, въ Буковину, въ районъ мѣстечка; Радауць, я долженъ былъ во главѣ депутаціи отъ полка отправиться въ Петербургъ для представленія молодому шефу. Депутація вела съ собой маленькаго забайкальскаго коня, отличныхъ формъ, который долженъ былъ быть подведенъ Наслѣднику, и везла съ собой полную форму Нерчинскаго полка для поднесенія Цесаревичу.

Въ составъ депутаціи входили: старшій полковникъ полка Маковкинъ блестящій офицеръ, потерявшій въ теченіе войны глазъ, кавалеръ Георгіевскаго оружія, отличный спортсменъ, дважды бравшій Императорскій призъ на Красносельскихъ скачкахъ: командиръ 3-ей сотни, наиболѣе отличившейся въ упомянутой атакѣ, есауль Кудрявцевъ и полковой адъютантъ сотникъ Влесковъ.

Выбрать офицеровъ въ составъ депутаціи было нелегко, всѣмъ хотѣлось удостоиться этой чести, да и общій составъ офицеровъ былъ таковъ, что трудно было намѣтить наиболѣе достойныхъ. Нерчинскій казачій полкъ отличался и до войны прекраснымъ офицерскимъ составомъ. Полкомъ долго командовалъ полковникъ Павловъ, б. Лейбъ-Гусаръ, оставившій родной полкъ въ началѣ японской войны и послѣ кампаніи продолжавшій службу на Дальнемъ Востокѣ. Въ описываемое время генерал Павловъ стоялъ во главѣ кавалерійскаго корпуса на Сѣверномъ фронтѣ. Блестящій офицеръ, выдающійся спортсменъ и знатокъ лошади полковникъ Павловъ сумѣлъ командуя Нерчинскимъ казачьимъ полкомъ, въ суровыхъ условіяхъ и на далекой окраинѣ, поднять полкъ на исключительную высоту. Горячій сторонникъ чистокровной лошади, полковникъ Павловъ сумѣлъ акклиматизировать чистокровнаго коня и въ суровомъ климатѣ Сибири. Онъ посадилъ всѣхъ офицеровъ полка на чистокровныхъ лошадей, завелъ офицерскую скаковую конюшню и, за послѣдніе передъ войной годы, рядъ офицерскихъ скачекъ на петроградскомъ ипподромѣ, былъ выигранъ офицерами полка на лошадяхъ полковой конюшни. Высоко поддерживая уровень строевой службы, полковникъ Павловъ требовалъ отъ офицеровъ и соотвѣтствующихъ моральныхъ качествъ, тщательно подбирая составъ полка. Ко времени назначенія моего командиромъ полка, большинство старыхъ офицеровъ были офицеры, начавшіе службу при полковникѣ Павловѣ. Со своей стороны мнѣ удалось привлечь въ полкъ рядъ прекрасныхъ офицеровъ.

Большинство офицеровъ Уссурійской дивизіи и въ, частности Нерчинскаго полка во время гражданской войны оказались въ рядахъ арміи адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. Въ описываемое мною время оба эти генерала, коимъ суждено было впоследствии играть видную роль въ гражданской войнѣ, были въ рядахъ Нерчинскаго полка, командовавъ 6-ой и 5-ой сотнями; оба въ чинѣ подъесаула.

Семеновъ, природный забайкальскій казакъ, плотный коренастый брюнетъ съ нѣсколько бурятскимъ типомъ лица, ко времени принятія мною полка, стоялъ полковымъ адъютантомъ и въ этой должности прослужилъ при мнѣ мѣсяца четыре, послѣ чего былъ назначенъ командиромъ сотни. Бойкій, толковый съ характерной казацкой сметкой, отличный строевикъ, храбрый, особенно на глазахъ начальства, онъ умѣлъ быть весьма популярнымъ среди казаковъ и офицеровъ. Отрицательными свойствами его были значительная склонность къ интригѣ и неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣли. Не глупому ловкому Семенову не хватало ни образованія (онъ кончилъ съ трудомъ военное училище), ни широкаго кругозора и я никогда не могъ понять какимъ образомъ могъ онъ выдвинуться впоследствии на первый планъ гражданской войны.

Подъесауль баронъ Унгернъ-Штернбергъ или подъесауль «баронъ», какъ звали его казаки, былъ типъ несравненно болѣе интересный.

Такіе типы, созданные для войны и эпохи потрясеній съ трудомъ могли ужиться въ обстановкѣ мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпѣвъ крушеніе, они переводились въ пограничную стражу или забрасывались судьбою какіе-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, гдѣ обстановка давала удовлетвореніе ихъ безпокойной натурѣ.

Изъ прекрасной дворянской семьи лифляндскихъ помѣщиковъ, баронъ Унгернъ съ ранняго дѣтства оказался предоставленнымъ самому себѣ. Его мать, овдовѣвъ, молодой вышла вторично замужъ и, повидимому, перестала интересоваться своимъ сыномъ. Съ дѣтства мечтаю о

войнѣ, путешествіяхъ и приключеніяхъ, барон Унгернъ, съ возникновеніемъ японской войны бросаетъ корпусъ и зачисляется волноопредѣляющимся въ армейскій пѣхотный полкъ, которымъ рядовымъ проходить всю кампанію. Неоднократно раненый и на гражданскій солдатскій Георгіемъ, онъ возвращается въ Россію и, устроенный родственниками въ военное училище, с превеликимъ трудомъ кончаетъ таковое.

Стремясь къ приключеніямъ и избѣгая обстановки мирной строевой службы, баронъ Унгернъ изъ училища выходитъ въ Амурскій казачій полкъ, расположенный въ Пріамурьѣ, но тамъ остается не долго. Необузданный отъ природы, вспыльчивый и неуравновѣшенный, къ тому же любящій запивать и буйный во хмелю, Унгернъ затѣваетъ ссору съ однимъ изъ сослуживцевъ и ударяетъ его. Оскорбленный шашкой ранитъ Унгерна въ голову. Слѣдъ отъ этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнѣйшія головныя боли и несомнѣнно періодами отражаясь на его психикѣ. Вслѣдствіе ссоры оба офицера вынуждены были оставить полкъ.

Возвращаясь въ Россію, Унгернъ рѣшаетъ путь отъ Владивостока до Харбина продѣлать верхомъ. Онъ оставляетъ полкъ въ сопровожденіи охотничьей собаки и съ охотничьимъ ружьемъ за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи Унгернъ около года проводитъ въ дѣбряхъ и степяхъ Пріамурья и Маньчжуріи и, наконецъ, прибываетъ въ Харбинъ. Возгорѣвшаяся Монголо-китайская война застаётъ его тамъ. Унгернъ не можетъ оставаться безучастнымъ зрителем. Онъ предлагаетъ свои услуги монголамъ и предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Моиголіи. Съ началомъ Русско-Германской войны, Унгернъ поступаетъ въ Нерчинскій полкъ, и съ мѣста проявляетъ чудеса храбрости. Четыре раза раненый въ теченіе одного года, онъ получаетъ орденъ Св. Георгія, Георгіевское оружие и ко второму году войны представленъ ужѣ къ чину есаула.

Средняго роста, блондинъ, съ длинными, опущенными по угламъ рта рыжеватыми усами, худой и изможденный съ виду, но желѣзнаго здоровья и энергіи, онъ живетъ войной. Это не офицеръ въ общепринятомъ значеніи этого слова, ибо онъ не только совершенно не знаетъ самыхъ элементарныхъ уставовъ и основныхъ правилъ службы, но сплошь и рядомъ грѣшитъ и противъ внѣшней дисциплины и противъ воинскаго воспитанія — это типъ партизана-любителя, охотника-слѣдопыта изъ романовъ Майнъ-Рида. Оборванный и грязный, онъ спитъ всегда на полу, среди казаковъ сотни, ѣстъ изъ общаго котла и, будучи воспитанъ въ условіяхъ культурнаго достатка, производитъ впечатлѣніе чловѣка совершенно отъ нихъ отрѣшившагося. Тщетно пытался я пробудить въ немъ сознаніе необходимости принять хоть внѣшний офицерскій обликъ.

Въ немъ были какіе-то странныя противорѣчія: несомнѣнный, оригинальный и острый умъ и рядомъ съ этимъ поразительное отсутствіе культуры и узкій до чрезвычайности кругозоръ, поразительная застѣнчивость и даже дикость и, рядомъ съ этимъ, безумный порывъ и необузданная вспыльчивость, незнающая предѣловъ, расточительность, и удивительное отсутствіе самыхъ, элементарныхъ требованій комфорта.

Этотъ типъ долженъ былъ найти свою стихію въ условіяхъ настоящей русской смуты. въ теченіе этой смуты онъ, не могъ не быть хоть временно выброшеннымъ на гребень волны и съ прекращеніемъ смуты, онъ также неизбѣжно долженъ былъ исчезнуть.

* * *

Я выѣхалъ въ Петербургъ въ срединѣ ноября: нѣсколькими днями позже должны были выѣхать офицеры, входившіе въ составъ депутаціи.

Последний разъ я былъ въ Петербургѣ около двухъ, мѣсяцевъ назадъ, когда пріѣзжалъ лѣчиться послѣ раны, полученной при атакѣ 22 августа. Общее настроеніе въ столицѣ еще ухудшилось со времени послѣдняго моего посѣщенія: во всѣхъ слояхъ общества чувствовались растерянность, сознаніе неизбѣжности въ, ближайшее время чего-то огромнаго и важнаго, къ чему роковыми шагами шла Россія. Въ то же время, если въ средѣ круговъ близкихъ къ Думѣ и Государственному Совѣту, среди такъ называемой «общественности» и была видимость какой-то напряженной работы, въ сущности не шедшей дальше словопреній и политической борьбы, если въ рабочей средѣ и въ тыловыхъ воинскихъ частяхъ и велась глухо болѣе планомѣрная разрушительная работа, конечно, не безъ участія нѣмецкаго золота, то широкіе слои населенія проявляли обычную инертность, погрязши всецѣло въ мелкихъ заботахъ повседневной жизни.

Также стояли хвосты у лавокъ, также полны были кинематографы и театры, тѣ же сѣрые обывательскіе разговоры слышались въ толпѣ.

Въ верхахъ близкихъ къ Государю и двору, повидимому, продолжали не отдавать себѣ, отчета въ надвигающейся грозѣ. Высшее общество и высшая бюрократія были, казалось, всецѣло поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будетъ назначенъ, что говорится въ партіи Великаго Князя или Императрицы... Свѣтская жизнь шла своей обычной чередой, и, казалось, что кругомъ меня не участники грядущей драмы, а посторонніе зрители.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда я назначенъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Мнѣ много разъ доводилось близко видѣть Государя и говорить съ Нимъ. На всѣхъ видѣвшихъ Его вблизи, Государь производилъ впечатлѣніе чрезвычайной простоты и неизмѣннаго доброжелательства. Это впечатлѣніе являлось слѣдствиемъ отличительныхъ чертъ характера Государя — прекраснаго воспитанія, и чрезвычайнаго умѣнія владѣть собой.

Умъ Государя былъ быстрый, Онъ схватывалъ, мысль собесѣдника съ полуслова, а память его была совершенно исключительная. Онъ не только отлично запоминалъ событія, но и лица, и карту: какъ-то, говоря о Карпатскихъ бояхъ, гдѣ я участвовалъ со своимъ полкомъ, Государь вспомнилъ совершенно точно въ какихъ пунктахъ находилась моя дивизія въ тотъ или иной день. При этомъ бои эти происходили мѣсяца за полтора до разговора моего съ Государемъ, и участокъ, занятый дивизіей, на общемъ фронтѣ арміи имѣлъ совершенно второстепенное значеніе.

Я вступилъ въ дежурство въ Царскомъ Селѣ въ субботу, смѣнивъ флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергскаго. Государь въ этотъ день завтракалъ у Императрицы. Мнѣ поданъ былъ завтракъ въ дежурную комнату. Послѣ завтрака Государь гулялъ, а затѣмъ принялъ нѣсколькихъ лицъ, сколько я помню, вновь назначеннаго министромъ здравоохраненія, профессора Рейна и министра финансовъ Барка.

Обѣдали на половинѣ Императрицы. Кромѣ меня постороннихъ никого не было, и я обѣдалъ и провелъ вечеръ одинъ въ Семѣ Государя. Государь былъ веселъ и оживленъ, подробно спрашивалъ меня о полку, о послѣдней блестящей атакѣ полка въ Карпатахъ. Разговоръ велся частью на русскомъ, частью, въ тѣхъ случаяхъ, когда Императрица принимала въ немъ участіе, на французскомъ языкахъ. Я былъ пораженъ болѣзненнымъ видомъ Императрицы. Она значительно осунулась за послѣдніе два мѣсяца, что я Ея не видѣлъ. Ярко выступали красныя пятна на лицѣ. Особенно поразило меня болѣзненное, и какъ бы отсутствующее выраженіе ея глазъ. Императрица, главнымъ образомъ, интересовалась организаціей медицинской помощи въ частяхъ, подробно спрашивала о новомъ типѣ, только что введенныхъ противогазовъ. Великія Княжны и Наслѣдникъ были веселы, шутили и смѣялись. Наслѣдникъ, недвно назначенный шефомъ полка, нѣсколько разъ задавалъ мнѣ вопросы — какія въ полку лошади, какая форма... Послѣ обѣда перешли въ гостиную Императрицы, гдѣ пили кофе и просидѣли еще часа полтора.

На другой день, въ воскресенье, я сопровождалъ Государя, Императрицу и Великихъ Княженъ въ церковь, гдѣ Они присутствовали на обѣднѣ. Маленькая, расписанная въ древнерусскомъ стилѣ, церковь была полна молящихся. Видя какъ молится Царская Семья, я невольно сравнивалъ спокойное, полное глубокаго религіознаго настроенія лицо Государя съ напряженнымъ, болѣзненно экзальтированнымъ выраженіемъ Императрицы. По возвращеніи изъ церкви, я засталъ уже во дворцѣ, прибывшаго смѣнить меня, флигель-адъютанта графа Кутайсова.

26 ноября, въ день праздника кавалеровъ ордена Св. Георгія, всѣ кавалеры Георгіевскаго креста и Георгіевскаго оружія были приглашены въ Народный домъ, гдѣ долженъ былъ быть отслуженъ въ присутствіи Государя торжественный молебенъ и предложенъ обѣдъ всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ. Имѣя орденъ Св. Георгія и Георгіевское оружіе, я былъ среди присутствующихъ.

Громадное число Георгіевскихъ кавалеровъ, офицеровъ и солдатъ, находившихся въ это время въ Петроградѣ, заполнили театральнй залъ дома. Среди нихъ было много раненыхъ. Доставленные изъ лазаретовъ тяжело-раненые располагались на сценѣ на носилкахъ. Свита и приглашенные стояли въ партерѣ въ плотную къ сценѣ. Вскорѣ прибылъ Государь съ Императрицей. По отслуженіи молебна, генераль-адъютантъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій взошелъ на сцену, поднялъ чарку и провозгласилъ здравицу Государю

Императору и Августѣйшей Семѣ. Государь Императоръ выпилъ чарку и провозгласилъ «ура» въ честь Георгіевскихъ кавалеровъ, послѣ чего, Онъ и Императрица обходили раненыхъ, бесѣдуя съ ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, бесѣдовавшей, наклонившейся надъ носилками тяжело-раненаго, обратилъ вниманіе на болѣзненное выраженіе ея лица. Она, внимательно разспрашивая больного, въ то же время казалось отсутствовала гдѣ-то. Видимо выполняя что-то обязательное и неизбежное, Она мыслями была далеко.

Наконецъ, прибыли въ Петербургъ офицеры депутаціи. Представленіе было назначено въ Царскомъ днемъ 4-го декабря передъ самымъ, назначеннымъ въ этотъ день отъѣздомъ Государя въ ставку.

Отправивъ утромъ предназначенную быть подведенной Наслѣднику лошадь, послѣдланную маленькимъ казачьимъ сѣдломъ, я выехалъ съ депутаціей по желѣзной дорогѣ, везя заказанную для Наслѣдника форму полка. Поѣздъ нашъ долженъ былъ прибыть въ Царское за полчаса, до назначеннаго для представленія Государю депутаціи часа, и я рассчитывалъ, что успѣю до представленія депутаціи доложить Государю о моихъ офицерахъ, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вслѣдствіе какой-то неисправности пуги поѣздъ нашъ опоздалъ и мы едва успѣли, сѣвъ въ высланные за нами кареты, прибыть къ назначенному часу во дворецъ. Встрѣченные дежурнымъ флигель-адъютантомъ, мы только что вошли въ залъ, какъ Государь въ сопровожденіи Наслѣдника, вышелъ къ намъ. Я представилъ Государю офицеровъ и сверхъ моего ожиданія Государь совершенно свободно, точно давно ихъ зналъ, каждому задалъ нѣсколько вопросовъ; полковника Маковкина Онъ спросилъ, въ которомъ году онъ взялъ Императорскій призъ; есаулу Кудрявцеву сказалъ, что знаетъ какъ онъ во главѣ сотни 22-го августа первый ворвался въ окопы противника... Я лишній разъ убѣдился какой острой памятью обладалъ Государь — во время послѣдняго моего дежурства я вскользь упомянулъ объ этихъ офицерахъ и этого было достаточно, чтобы Государь запомнилъ эти подробности.

Послѣ представленія Государь съ Наслѣдникомъ вышли на крыльцо, гдѣ осматривали подведеннаго депутаціей коня. Тутъ же на крыльцѣ Царскосельскаго дворца Государь съ Наслѣдникомъ снялся въ группѣ съ депутаціей.

Это, вѣроятно, одно изъ послѣднихъ изображеній Государя во время Его царствованія и это послѣдній разъ, что я видѣлъ Русскаго Царя.

На Румынскомъ Фронѣ.

Наканунъ представленія Государю депутаціи, я получилъ телеграмму отъ генерала Крымова съ сообщеніемъ о переброскѣ Уссурийской конной дивизіи въ Румынію и приказаніе немедленно прибыть въ армію всѣмъ офицерамъ и солдатамъ дивизіи, находящимся въ командировкахъ и отпускахъ.

На другой день послѣ представленія депутаціи, я, собравъ моихъ офицеровъ и казаковъ, находившихся въ Петербургѣ по разнаго рода причинамъ выехалъ на фронтъ. По дороге къ намъ присоединилось еще нѣсколько офицеровъ и казаковъ, вызванныхъ изъ отпусковъ или командировокъ и слѣдовавшихъ въ армію.

До границы Румыніи мы ѣхали безпрепятственно, но уже на самой границѣ стало ясно, что добраться до дивизіи будетъ не такъ-то легко. Поспѣшная и беспорядочная эвакуація забила поѣздными составами всѣ пути. Румынскія войска продолжали на всемъ фронтѣ отходить и новые и новые поѣздные составы съ ранеными, бѣженцами и войсковыми грузами непрерывно прибывали, все болѣе и болѣе загромождая тылъ. Пассажирское движеніе было приостановлено, въ сутки отправлялся къ югу лишь одинъ пассажирскій поѣздъ, цѣлыми часами простаивавшій на всѣхъ станціяхъ. Здѣсь впервые увидѣлъ я, ставшее впоследствии столь обыкновеннымъ, путешествіе на крышахъ вагоновъ. Не только крыши вагоновъ, но и буфера и паровозы были облѣплены пассажирами. Со мной было человѣкъ шесть офицеровъ и человѣкъ двадцать солдатъ. Я рѣшилъ обратиться къ румынскому коменданту, оказавшемуся чрезвычайно любезнымъ офицеромъ, отлично говорившимъ по-французски (вообще французскій языкъ широко распространенъ въ Румыніи). Послѣ какихъ-то переговоровъ по аппарату съ Яссами, онъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе два вагона, изъ коихъ одинъ II класса для офицеровъ, другой III класса для солдатъ.

Прицѣпляясь къ слѣдовавшимъ на югъ эшелонамъ мы, хотя и весьма медленно, стали продвигаться къ фронту. Буфеты на станціяхъ оказались совершенно пустыми, все было

сѣдено, въ нетопленныхъ вагонахъ холодъ былъ неописуемый и мы считали часы, когда, наконецъ, окончится нашъ тяжелый путь. На станціи Бырлатъ мы узнали, что черезъ полчаса въ направленіи на станцію Текучи (я уже зналъ, что въ этомъ пунктѣ стоятъ обозы дивизіи) идетъ пассажирскій экспрессъ. Комендантъ станціи общалъ мнѣ прицѣпить мои вагоны къ поѣзду и пригласилъ пока къ себѣ обогрѣться и выпить чаю. Я просилъ прицѣпить мои вагоны непосредственно за паровозомъ, дабы возможно быстро прогреть ихъ, что онъ и общалъ сдѣлать. Однако, по какому-то недоразумѣнію вагонъ, въ которомъ я слѣдовалъ съ офицерами, оказался прицѣпленнымъ въ хвостъ поѣзда. Это спасло намъ жизнь. Не доходя 15 верстъ до станціи Текучи экспрессъ нашъ на шестидесятиверстной скорости врѣзался въ слѣдовавшій на сѣверъ эшелонъ. Четырнадцать переднихъ вагоновъ было разбито въ щепы и нѣсколько сотъ человекъ было убито и ранено. Нашъ вагонъ оказался висѣвшимъ надъ насыпью и всѣ мы попадали съ нашихъ мѣсть; однако, никто не пострадалъ. Трудно передать жуткую картину; въ полной темнотѣ изъ-подъ обломковъ вагоновъ неслись крики, стоны и плачъ. Нѣкоторые вагоны загорѣлись и много несчастныхъ раненыхъ погибло въ огнѣ.

Оставивъ при вещахъ двухъ казаковъ, мы пѣшкомъ дошли до станціи Текучи, откуда розыскавъ нашъ обозъ, выслали за багажемъ. Въ тотъ же день я на автомобилѣ съ адъютантомъ выѣхалъ на Фокшаны по ужасному, разбитому безпрерывнымъ движеніемъ обозовъ и распутицей шоссе.

Мы двигались едва со скоростью 4-5 верстъ часъ; шоссе и вся мѣстность по сторонамъ его были покрыты тянущимися на сѣверъ обозами, толпами жителей и оборванныхъ, большей частью безъ винтовокъ, солдатъ. Я видѣлъ характерный отходъ разбитой и стихійно отступавшей арміи. Вперемешку съ лазаретными линейками, зарядными ящиками и орудіями, слѣдовали коляски, телѣжки съ женщинами и детьми среди горъ свертковъ, коробокъ и всякаго домашнего скарба.

Не могу забыть элегантнаго ландо съ двумя отлично одѣтыми румынскими офицерами и нѣсколькими нарядными дамами, запряженнаго уносными артиллерійскими конями въ артиллерійскомъ уборѣ...

Поздней ночью я встрѣтилъ дивизію, отходившую на линію рѣки Серета. Мы простояли нѣсколько дней на этой линіи, а затѣмъ смѣненные пѣхотой, усиленными переходами перешли въ районъ Галаца, гдѣ сосредотачивалась крупная масса, конницы, объединить которую долженъ былъ генераль-отъ-кавалеріи графъ Келлеръ. На нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ шли жестокіе бои, намѣчался прорывъ нашей пѣхотой непріятельскаго фронта и конницу нашу предполагалось бросить въ тылъ Макензену. Прорывъ не удался и, напрасно простоявъ сутки подъ открытымъ небомъ, подъ проливнымъ дождемъ, конница вновь была оттянута въ тылъ. Наша дивизія отошла въ районъ Текучи — Бырлатъ.

Какъ-то на одномъ изъ переходовъ во время привала ко мнѣ прибылъ отъ генерала Крымова, шедшаго въ головномъ полку, ординарецъ и передалъ мнѣ, что начальникъ дивизіи проситъ меня къ себѣ.

Подѣхавъ къ головѣ колонны, я увидѣлъ группу офицеровъ штаба дивизіи, грѣвшихъ вокругъ костра и разбиравшихъ только что привезенную почту. Генераль Крымовъ, держа въ рукѣ нѣсколько скомканныхъ газетъ, нетерпѣливыми большими шагами ходилъ въ сторонѣ. Увидѣвъ меня, онъ еще издали, размахивая газетами, закричалъ мнѣ:

«Наконецъ-то, подлеца Гришку ухлопали...»

Въ газетахъ былъ рядъ свѣдѣній объ убійствѣ Распутина. Прибывшія одновременно письма давали подробности.

Изъ трехъ участниковъ убійства я близко зналъ двухъ — Великаго Князя Дмитрія Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какія чувства руководили ими? Почему, истребивъ вреднаго для Отечества человека, они не объявили объ этомъ громко, не отдали себя на судъ властей и общества, а бросивъ въ прорубь трупъ, пытались скрыть следы? Трудно вѣрилось полученнымъ сообщеніямъ...

10-го января я получилъ извѣстіе о состоявшемся назначеніи моемъ командиромъ 1-ой бригады Уссурийской конной дивизіи, въ составъ которой входили Приморскій драгунскій и мой Нерчинскій казачій полки. Грустно было расставаться съ полкомъ, которымъ я командовалъ болѣе 14-ти мѣсяцевъ, съ которымъ дѣлилъ и тягости боевой жизни и рядъ славныхъ побѣдъ. Полкъ принималъ старшій полковникъ полка Маковкинъ, о назначеніи

котораго моимъ замѣстителемъ, я еще въ Петербургѣ просилъ Государя и Походнаго Атамана Великаго Князя Бориса Владимировича.

Сдавъ полкъ, я, воспользовавшись нахожденіемъ дивизіи въ армейскомъ резервѣ, проѣхалъ на нѣсколько дней въ Яссы.

Я остановился въ Яссахъ у посланника нашего А. А. Мосолова, однополчанина моего по Конной Гвардіи. Квартиру въ Яссахъ почти невозможно было найти, городъ былъ забитъ массой бѣженцевъ и тыловыхъ армейскихъ учреждений. Ожидался пріѣздъ Великой Княгини Викторіи Феодоровны, сестры Королевы.

Не будучи близокъ къ Великой Княгинѣ, я не счелъ нужнымъ ей представиться. Однако, въ день ея пріѣзда ко мнѣ заѣхалъ завѣдующій дворомъ Великой Княгини, Гартунгъ, и передалъ приглашеніе Великой Княгини на другой день въ 10 часовъ утра прибыть къ ней во дворецъ Королевы, гдѣ она остановилась.

В Яссахъ румынскій дворъ не могъ найти достаточно большого помѣщенія и Король и королева съ дѣтьми помѣщались въ разныхъ домахъ. Королева занимала небольшой двухэтажный особнякъ на главной улицѣ города; у воротъ стоялъ караулъ въ формѣ, напоминающей нашихъ Кавалергардовъ.

Я засталъ у Великой Княгини занимавшаго постъ русскаго коменданта города генерала Казакевича, бывшаго Преображенца и флигель-адъютанта. Великая Княгиня задержала насъ болѣе часа. Она подробно рассказывала намъ о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ, объ арестѣ и высылкѣ въ Персію Великаго Князя Дмитрія Павловича, о коллективномъ письмѣ, обращенномъ всѣми членами императорской Фамиліи Государю съ мольбой о помилованіи Великаго Князя, объ отказѣ въ этомъ Государя, о немилости постигшей Великаго Князя Николая Михайловича, за рѣзкое письмо его къ Государю, въ которомъ высказывалась горькая и неприкрашенная правда. По ея словамъ, всѣ ближайшіе къ Государю члены Его Семьи ясно видѣли, какая опасность грозитъ династіи и самой Россіи, одна Государыня не видѣла, или не хотѣла этого видѣть. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Сестра Государыни, сама Великая Княгиня Викторія Феодоровна, княгиня Юсупова, мать убійцы Распутина, князя Юсупова, мужа Княжны Ирины Александровны, пытались открыть Императрицѣ глаза, но все было тщетно.

«Я знаю Россію дольше и лучше тебя»,- сказала Императрица Великой Княгинѣ Викторіи Феодоровнѣ, — «ты слышишь только то, что говорится въ Петербургѣ, среди испорченной и далекой отъ народа аристократіи. Ежели бы ты поѣхала съ Государемъ и со Мной въ одну изъ поѣздокъ нашихъ на фронтъ, ты бы увидѣла, какъ народъ и армія обожаютъ Государя».